
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VIII

посвящен 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН
(СПбФ ИВ РАН)

Составитель и автор предисловия И. В. Кульганек

St. Petersburg
2008

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), Л. Г. Скородумова, Н. С. Яхонтова

*Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского научного центра*

Монголика-VIII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — 160 с.

Восьмой выпуск сборника посвящен 190-летию Азиатского музея, предшественника Института восточных рукописей (Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН). Имеет те же разделы, что и предыдущие выпуски: «Историография и источниковедение»; «Литературоведение и фольклористика»; «Из архивов отечественных востоковедов»; «Научная жизнь»; «Наши переводы». Статьи об истории монголоведения, о формировании рукописных и архивных фондов Санкт-Петербурга, а также историографические, литературоведческие, текстологические и лингвистические написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и монгольскими специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги и монгольские переводы художественной литературы.

Статьи, написанные в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей России и Центральной Азии.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

E-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать 15.10.2008. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 уч.-изд. л. Заказ № 697

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-392-9

© Петербургское Востоковедение, 2008

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
Т. Ю. Евдокимова, И. В. Кульганек	Страницы из истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете	12
И. В. Кульганек	Монгольский рукописный фонд Института восточных рукописей РАН	28
И. Ф. Попова, Н. Д. Путинцева, И. В. Кульганек	Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН	31
Историография, источниковедение		
Е. И. Кычанов	Тангутские (Си Ся) источники о татарах	34
Ю. И. Дробышев	Историография изучения этнической экологии монгольских кочевников Центральной Азии	37
А. Г. Юрченко	Монгольская империя на Каталанском атласе 1375	50
Литературоведение, фольклористика, текстология		
Л. Г. Скородумова	Об эволюции художественного образа в монгольской литературе	61
С. Байгалсайхан	Монгольские ученые о монгольской литературе	69
К. В. Алексеев	О некоторых проблемах изучения средневековых монгольских переводов с тибетского	75
С. Хувсгул	Действующие лица религиозной драмы Д. Равджи «Лунная кукушка»	81
С. С. Сабрукова	Текстологический анализ двух монгольских переводов «Бодхичарьяаватары» (Bodisud nom-un yabudal-dur ogoqu peretu sastir orosibai)	86
Б. С. Дугаров	Пантеон восточных тэнгриев в эпосе «Абай Гэсэр Богдо хан»	93
М. П. Петрова	Ритуальная поэзия Д. Бямбадорджа	100
Р. В. Ивлева	Рассказ Д. Норова «Синий камень»	104
Б. Сухэ	Исторические корни монгольского театра	106
Т. А. Пострелова	П. Пясецкий в Монголии	113
Н. С. Яхонтова	Названия Луны (санскрит — тибетский — монгольский)	118
Из архивов востоковедов		
И. И. Ломакина	Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902—1942)». Подготовка к печати, введение и комментарий Н. А. Симуковой	128
	Новые книги по монголоведению	136
Наши переводы		
Д. Батбаяр	Прозаические миниатюры. Пер. Л. К. Герасимович	141
	Охотничьи рассказы монгольских писателей. Пер. Л. Г. Скородумовой	145
Б. Лхагвасурэн	Стихи. Пер. П. М. Петровой	153
Б. Явухулан	Стихи. Пер. Л. Букиной	155
	Современная монгольская поэзия: Ц. Тумэнбаяр, Л. Хасар, С. Билигсайхан, С. Оюнгогс, Т.-О. Эрдэнэцогт, П. Бадарч. Пер. Е. Мальцевой, И. Содномовой, Д. Куленкова, А. Курбешевой, Е. Васько, Д. Водяницкой	157
Summary	159

Т. Ю. Евдокимова, И. В. Кульганек

**Страницы из истории монголоведения
в Санкт-Петербургском государственном университете**

Классическому периоду отечественного монголоведения, начавшемуся с открытия в 1855 г. кафедры монгольского и калмыцкого языков на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного императорского университета, предшествовал двухсотлетний период зарождения и становления в России монголоведной науки, которая уходит своими корнями в практические нужды Российского государства, связанные с установлением торговых и политических связей с монгольскими народами, населявшими обширные пространства Центральной Азии, Дальнего Востока, Восточной Сибири.

В предыстории отечественной монголоведной науки следует выделить несколько этапов. Первый можно назвать «посольско-торговым», поскольку он связан с русскими посольствами, направляемыми к монгольским ханам¹.

В этой ситуации был естественным указ Петра I (1700) об отправке в Тобольск «добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научить»². Этот указ стал первым «распоряжением русского правительства об обучении русских людей восточным языкам»³. В соответствии с ним вскоре стали появляться школы с преподаванием монгольского языка: в 1725 г. — при Воскресенском монастыре около Иркутска, затем — в Селенгинской гарнизонной школе; в 1799 г. — в Иркутском народном училище, в 1822 г. — в Иркутской Духовной семинарии, несколько позже — в Верхнеудинске, Нерчинске, Посольске. Наиболее заметным специалистом-практиком, блестящим знатоком разговорного монгольского языка того времени был А. Н. Игумнов⁴ — автор и составитель первых русско-монгольских разговорников и словарей, давший путевку в научную жизнь основоположнику российского монголоведения О. М. Ковалевскому (1801—1878)⁵.

Второй этап, «профессионально-академический», связан с учреждением в 1818 г. Азиатского музея⁶, впоследствии (1931) преобразованного в Институт

востоковедения АН СССР, ставшего главным востоковедным центром России (в 1956 г. был переведен в Москву, в Ленинграде остался его филиал). Источниковой базой Азиатского музея явились восточные письменные коллекции Кунсткамеры, библиотеки и архива АН. В 1864 г. в Азиатский музей поступила большая коллекция из Азиатского департамента Министерства иностранных дел⁷. Собрания изданных трудов и рукописного наследия академиков содержали также материалы о монгольских народах, как, например: статьи на латинском языке Т. З. Байера о «мунгальском языке»; записи Г. Д. Мессершмидта, путешествовавшего по Сибири в 1720—1727 гг.; Г. Ф. Миллера⁸, совершившего в 1733—1743 гг., по поручению Академии наук, экспедицию в Сибирь, и первым, кстати, записавшего фольклор селенгинских бурят; И. Э. Фишера⁹, который провел в Сибири девять лет и привез богатейший архив, состоявший из летописей и документов миссионеров; П. Палласа¹⁰, путешествовавшего по Забайкалью среди селенгинских бурят в 70-е гг. XVIII в.; материалы его переводчика — И. Иерига. Все эти документы до настоящего времени хранятся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук (ИВР РАН/СПбФ ИВ РАН).

С Азиатским музеем связана научная деятельность крупнейшего монголоведа и тибетолога первой половины XIX в., посвятившего свою жизнь изучению монгольских письменных памятников, внесшего крупный вклад в становление и развитие научного монголоведения в России, — Я. И. Шмидта¹¹ (1779—1847), академика Российской Академии наук с 1829 г. Свои монголоведные исследования он начал в калмыцких степях, в местечке Сарепте, куда прибыл в 1797 г. в качестве казначея протестантского ордена геренгутов, или «Моравских братьев». Самостоятельно изучив разговорный калмыцкий и письменный ойратский языки, он создал фундаментальные труды, ставшие первыми филологическими исследованиями и переводами монгольских текстов¹².

Он был также одним из первых переводчиков, делавших попытки перевести на калмыцкий язык Священное Писание, первым автором монгольской грамматики и монгольско-русского словаря¹³.

Большую роль в развитии востоковедения сыграло создание Русского археологического общества (1846) и Русского географического общества (1851), имевших собственные издания¹⁴, в которых содержались специальные отделы восточной археологии, истории Сибири и стран Дальнего Востока, постоянно печатались материалы по Монголии и переводы с монгольского языка.

Особое место в истории монголоведения занимала деятельность Пекинской Духовной миссии, впервые отправившейся в Китай в 1714 г. во главе с Илларионом Лежайским. Через десять лет ее деятельность была подкреплена договором. Миссия просуществовала более 100 лет. С ней связаны значительные успехи в изучении истории и языков Монголии, она дала русскому востоковедению таких замечательных ученых, как И. Рассохин¹⁵ — переводчик оригинальных материалов для первых трудов по истории Монголии, Н. Я. Бичурин (или Иакинф Бичурин, настоящая фамилия — Пичуринский, 1777—1853)¹⁶. Наиболее известным трудом Н. Я. Бичурин стали «Записки о Монголии» (1828), написанные им после возвращения из Пекина, где он возглавлял на протяжении 13 лет (1807—1822) Русскую Духовную православную миссию. За эту работу он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук по разряду литературы и древностей Востока. Не менее значительными в научном плане явились его более поздние труды¹⁷, которые выдвинули отечественное монголоведение на первое место в мире по решению основополагающей исторической проблемы относительно генезиса монгольских племен, оставив позади французскую (Ж. Де-Гинь) и немецкую (Ю. Клапрот) школы, развивавшие идею о тюркском происхождении ряда народов Монголии.

Непосредственным прообразом монгольской кафедры Санкт-Петербургского императорского университета была учрежденная 25 июля 1833 г. кафедра монгольского языка Казанского государственного университета, явившаяся первой подобной кафедрой в России и Европе. Ее возглавил монголовед О. М. Ковалевский¹⁸, ставший впоследствии известнейшим ученым (ректор Казанского университета, декан историко-филологического факультета Варшавского университета, почетный член Парижского азиатского общества, действительный член Общества северных древностей Копенгагена, действительный член Московского общества истории и древностей российских, член-корреспондент Академии наук в Санкт-Петербурге). Кафедра относилась к разряду восточной словесности в числе других пяти: арабо-персидской (осн. 1828), турецко-татарской (осн. 1828), китайской (осн. 1837), санскритской (осн. 1842), армянской (осн. 1842). В 1842 г. там же была открыта кафедра калмыцкого языка, не получившая, к сожалению, в дальнейшем организационного и научно-

методического развития¹⁹. Руководил ею коллега О. М. Ковалевского — А. В. Попов (1808—1880)²⁰, с которым они находились в более чем четырехлетней командировке (1828—1833) от Казанского университета в Забайкалье с целью изучения монгольского и бурятского языков и который стал впоследствии первым заведующим кафедрой монгольской и калмыцкой словесности на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. Основополагающие труды О. М. Ковалевского и А. В. Попова, легшие в основу учебного процесса²¹, не потеряли своего методического и научного значения до настоящего времени.

Монгольский язык, являясь основным на собственно монгольской кафедре, выполнял роль вспомогательного языка на китайской, санскритской, турецко-татарской кафедрах. На монгольской кафедре в качестве главных предметов читались «История монгольской словесности» (IV курс) и «История монголов» (II курс).

Преподавательская деятельность О. М. Ковалевского и А. В. Попова в стенах Казанского университета дала прекрасные результаты. Их учениками были Доржи Банзаров²² — первый бурятский ученый, автор многих пионерских монголоведных работ, наиболее значительная из которых — «Черная вера, или шаманство у монголов» (изд. посмертно в 1891 г.); А. А. Бобровников²³ — преподаватель монгольского языка Казанской Духовной академии, автор «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» (1849), получившей Демидовскую премию. Ему принадлежит право первенства введения в научный оборот одной из песен знаменитого монголо-ойратского героического эпоса «Джангар». О. М. Ковалевский и А. В. Попов являлись наставниками бурятского ламы Галсана Гомбоева²⁴, страстного собирателя памятников монгольской и тибетской письменности, надзирателя 1-й Казанской гимназии (1841—1855), автора ряда монголоведных текстологических и источниковедческих работ.

В середине XIX в. в России началась реорганизация востоковедения, направленная на централизацию востоковедного образования и науки и установление востоковедного центра в Санкт-Петербурге — столице Российского государства. Образование должно было осуществляться на базе факультета восточных языков Санкт-Петербургского императорского государственного университета. В октябре 1854 г. вышел Указ Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете», несколько позже — «О создании факультета восточных языков...»²⁵. Эти указы ознаменовали новый, классический период — «золотой век» российского монголоведения.

Днем рождения факультета восточных языков считается 8 сентября (27 августа по старому стилю) 1855 г., когда состоялось торжественное его открытие. В результате слияния восточных отделений Казанского и Санкт-Петербургского университетов²⁶ в

Петербург из Казани были переведены десять студентов и более десяти преподавателей, среди которых были видные ориенталисты: А. К. Казимбек, В. П. Васильев, И. Н. Березин. Первоначально на факультете насчитывалось четыре разряда, в один из которых, монголо-калмыцко-маньчжурский²⁷, входила кафедра монгольского и калмыцкого языков. Первым заведующим кафедрой был А. В. Попов, к тому времени — ординарный профессор кафедры калмыцкой словесности Казанского университета, имевший более чем десятилетний опыт преподавательской и организаторской работы. Он уволился из Казанского университета в 1853 г. по собственному прошению и переехал в Санкт-Петербург, где с 1855 г. возглавил кафедру²⁸. Здесь он проработал два года — до назначения его главным инспектором училищ Западной Сибири²⁹.

Во времена заведования А. В. Поповым и — позже — К. Ф. Голстунским (его казанским учеником) кафедра имела хотя и незначительно выраженную, но тем не менее заметную калмыцкую ориентацию, о чем говорят учебные планы, читавшиеся курсы, ежегодные экспедиции студентов в калмыцкие степи. Это объяснялось, в некоторой степени, собственными научными приоритетами самих заведующих кафедрой, которые большое внимание уделяли изучению ойратской письменности, разговорного калмыцкого языка, фольклорных памятников калмыков и добились в этом значительных успехов. Так, «Грамматика калмыцкого языка» А. В. Попова, изданная в 1848 г. в Казани, получила широкий научный резонанс. Высоко оценивая этот труд, с положительными рецензиями выступили А. А. Бобровников, О. М. Ковалевский, Д. Банзаров. Академия наук наградила за него А. В. Попова Демидовской премией. К. Ф. Голстунским же были составлены в качестве учебных пособий русско-калмыцкий словарь (1860) и калмыцкая хрестоматия (1864). На кафедре А. В. Попов читал несколько лингвистических курсов, среди них курсы по этимологии, синтаксису, по истории письменности монгольского языка, а также исторический курс, охватывавший большой период времени существования монгольского государства — от эпохи Чингис-хана до середины XIX в.³⁰

А. В. Попов осознавал смысл перенесения востоковедного центра в столицу Российского государства, заключавшийся в том, чтобы востоковедение не только могло решать чисто научные задачи, но имело бы выход на политические и административные цели, что достаточно ясно было сформулировано им в докладной записке, касающейся отправки студентов в Астраханскую губернию для изучения живого калмыцкого языка. Он писал: «На факультет восточных языков должно смотреть как на единственное заведение, в котором при изучении восточных языков имеются в виду и условия науки, и надобности государственного управления»³¹.

При А. В. Попове на кафедру монгольского и калмыцкого языков был приглашен Галсан Гомбоев, которого, так же как и Доржи Банзарова, можно было

причислить к плеяде первых бурятских ученых. Начав с должности воспитателя-надзирателя 1-й Казанской гимназии, куда он приехал в 1842 г. взамен вернувшегося на родину в Бурятию Галсана Никитуева, Г. Гомбоев, под руководством А. В. Попова и О. М. Ковалевского, находясь постоянно в духовном общении с выдающимися ориенталистами Д. Банзаровым, А. А. Бобровниковым, Н. И. Ильминским (с ними он познакомился в Казани), поступил вольнослушателем в Казанский университет. Проявляя незаурядные способности в освоении теоретических и практических курсов, он начал заниматься научной работой, преподавать студентам Университета практический монгольский и калмыцкий языки, неоднократно ездил в калмыцкие степи, в лингвистические и фольклорные экспедиции для сбора языкового материала. В Казани произошла его встреча с Л. Н. Толстым, имевшая для обоих большое значение³². С преобразованием восточного отделения Петербургского университета в факультет и открытием монголо-калмыцко-татарского разряда, к которому относилась кафедра монгольского и калмыцкого языков, Г. Гомбоев переехал в Санкт-Петербург, где работал сначала в должности преподавателя разговорного монгольского языка. Затем, после успешной, хотя и длительной, борьбы за исключение из казачьего сословия, к которому он принадлежал, он был утвержден лектором. За свои труды³³ Г. Гомбоев был избран членом-корреспондентом восточного отделения Императорского Археологического общества.

При заведовании кафедрой К. Ф. Голстунским (1860—1899) сохранялись общее направление и ориентиры преподавания. В связи с развитием политических и экономических отношений с Северо-Западной Монголией, язык населявших которую племен близок к калмыцкому языку, была усилена калмыцкая часть кафедры: с 1873 г. было увеличено количество часов преподавания калмыцкого языка. Первые курсы, читанные на кафедре адъюнктом К. Ф. Голстунским, недавним (1853) выпускником Казанского университета, также были посвящены калмыцкому языку. Через пять лет он был назначен на должность экстраординарного профессора и руководителя кафедры, вскоре после чего стал ординарным профессором. По его представлению с 1864/1865 учебного года китайско-маньчжурский и монголо-калмыцкий разряды были объединены в один — китайско-маньчжуро-монгольский, что мотивировалось общностью Монголии, Китая и Маньчжурии³⁴. Это привело к увеличению учебной нагрузки, количества изучаемых языков и обучаемых студентов³⁵ — с пяти до десяти-пятнадцати человек. К. Ф. Голстунский большое внимание уделял собиранию и изучению калмыцкого эпоса и письменных памятников. Он открыл научному миру несколько новых песен монголо-ойратского героического эпоса «Джангар», калмыцкую версию повестей о Гэсэр-хане, об Убаши-хунтайджи. Среди ценнейших рукописей, привезенных им из командировок в калмыцкие степи и поступивших в библиотеку Восточного факультета, был известный

памятник монгольской письменности «Улигэрун ном». Большое значение для изучения правовых норм у монголов и калмыков имела его изданная в 1880 г.³⁶ докторская диссертация о монголо-ойратских законах 1860 г., в которой он впервые сделал перевод этого важного юридического документа, ввел его в научный оборот и исследовал. Последние годы жизни он работал над трехтомным «Монгольско-русским словарем», который был издан в 1893—1896 г., получил весьма высокую оценку и до настоящего времени используется в качестве лексикографического пособия. В 1936 г. вышло второе издание Словаря с добавлениями А. Д. Руднева. При К. Ф. Голстунском продолжали приглашать на кафедру в качестве преподавателей живых разговорных языков их носителей. Галсана Гомбоева сменил калмык Доржи Кутузов, работавший с 1863 по 1866 г.; он не раз руководил практикой студентов в Калмыкии и подарил библиотеке факультета много монгольских рукописей и ксилографов³⁷. После него в должности лектора работал бурят Александр (Сультим) Александрович Бадмасв (1831—1873), известный врач-лама Агинской Степной Думы, прибывший в Санкт-Петербург в 1857 г. для работы в Николаевском военном госпитале. С 1867 г., одновременно с занятиями частной практикой, он преподавал на кафедре вплоть до своей кончины. Его брат, Петр (Жамсаран) Александрович Бадмаев³⁸ (1841—1920), человек широкого общественно-политического и научного кругозора, врач, переводчик, общественный деятель, после окончания в 1875 г. с отличием Восточного факультета СПбГУ также совмещал в течение трех лет (1890—1893) работу в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел с преподаванием на кафедре. С 1873 по 1885 г. разговорный монгольский язык преподавал протоиерей Николай Нилович Доржеев (1815—1891).

Таким образом, к 90-м гг. на кафедре была создана внушительная источниковая база для преподавания монгольского и калмыцкого языков, имелись необходимые учебные пособия, осуществлялась не только преподавательская деятельность, но и серьезная научная работа по многим новым направлениям отечественной монголистики.

В 1872 г. на кафедре появился студент А. М. Позднеев (1851—1929)³⁹, ставший впоследствии выдающимся ученым-фольклористом, литературоведом и историком, собирателем монгольских рукописей. Многие годы своей жизни он посвятил преподавательской работе. Во время учебы он прекрасно зарекомендовал себя, сразу после окончания университетского курса в 1876 г. был командирован Министерством народного просвещения в составе экспедиции Русского географического общества во главе с Г. Н. Потаниным в Монголию. Материалы, привезенные им из поездки, легли в основу магистерской диссертации «Образцы народной литературы монгольских племен», изданной в год защиты⁴⁰, после чего он был зачислен в штат доцентом кафедры, а через три года защитил докторскую диссертацию по

монгольскому письменному памятнику «Эрдэнийн Эрихэ»⁴¹. Вскоре он был назначен экстраординарным профессором, затем (1884) — ординарным профессором по кафедре монгольского языка. В преподавательской деятельности он широко использовал привезенные из Монголии официальные документы маньчжурского правления, фольклорные записи, буддийские тексты и светские хроники. Им был впервые поставлен курс по истории монгольской литературы, представлявший собой обзор памятников монгольской письменности, записанный и изданный позже его учениками⁴². А. М. Позднеев вел также маньчжурский язык. Для начинающих была составлена хрестоматия, состоявшая из разнообразных по темам и стилю текстов: были в ней описания географических объектов, образцы официальных бумаг, фрагменты путешествий и буддийских трактатов⁴³.

В 1892 г. А. М. Позднеев был командирован в Монголию Министерством иностранных дел на два года (1892—1892) «для исследования административного строя, политического положения Монголии и изучения отношений с монголами и китайцами»⁴⁴. Результатом этой поездки явился двухтомный труд «Монголия и монголы»⁴⁵, рассказывавший о стране, людях, их быте, религиозных обрядах, о памятниках древности.

Привезенная им из двух поездок насчитывавшая более двухсот экземпляров коллекция книг, ценнейшим сочинением которой явился знаменитый 108-томный «Ганчжур» — составленный при Лигданхане в XVII в. свод переводов на монгольский язык сочинений, приписываемых Будде, явилась основой Рукописного монгольского фонда библиотеки Восточного факультета, получившего впоследствии название «Позднеевский фонд».

Имея семинарское духовное образование, приобретенное на родине, в Орле, перед поступлением в СПбГУ, А. М. Позднеев на протяжении всей жизни особенно живо интересовался проблемами религии и духовности. Он был переводчиком и редактором издаваемого Лондонским библейским обществом и Российским Синодом «Священного Писания». Его труд по буддизму в Монголии «Очерки быта буддийских монастырей»⁴⁶ отличается чрезвычайной фундаментальностью, энциклопедичностью знания вопроса, скрупулезностью исследования внешней и внутренней сторон монастырской жизни, в нем дана реконструкция повседневной жизни представителей буддийского культа. Во время работы на Восточном факультете им был также издан «Буддийский катехизис»⁴⁷. А. М. Позднеев работал на кафедре до 1899 г., до того момента, как возглавил вновь открытый Восточный институт во Владивостоке. Сочетая административную работу с научной, он продолжил монголоведческие исследования: издал «Джангар» с приложенной вновь открытой главой, учебник по тибетской медицине, калмыцко-монгольский словарь⁴⁸. В 1917 г. он ненадолго вернулся в Петербург и год проработал на кафедре. Будучи командированным в Калмыкию в 1918 г., он не смог вернуться в

Петроград и вынужден был поступить в Педагогический институт в Ростове, где и скончался в 1920 г.

А. М. Позднеев оставил заметный след в науке, его труды не потеряли своей значимости до настоящего времени. При нем на китайско-маньчжурско-монгольском разряде учились трое способных студентов: В. Л. Котвич (1872—1944)⁴⁹, Г. Ц. Цыбиков (1872—1930)⁵⁰ и А. Д. Руднев (1878—1958)⁵¹, которые были оставлены при кафедре монгольской и калмыцкой словесности для приготовления их к профессорскому званию. Они стали впоследствии крупными монголоведами.

В. Л. Котвич поступил на Восточной факультет в 1892 г., окончил его в 1895 г. и был оставлен на кафедре монгольской и калмыцкой словесности, однако скоро перешел в Министерство финансов, где он проработал до смерти К. Ф. Голстунского, т. е. до 1899 г. Этот год был трудным для кафедры, так как не осталось ни одного монголиста, поскольку А. М. Позднеев уже к тому времени уехал директорствовать во Владивосток. Занятия были прекращены и возобновились с возвращением на кафедру В. Л. Котвича, который начал вести занятия по самым разнообразным аспектам монголоведения — от курсов по сравнительной грамматике монгольского языка и его наречий⁵², чтения официальных документов по хрестоматиям А. М. Позднеева, курса по истории монгольской литературы, лекций по маньчжурскому языку до практических занятий по текстам хрестоматии О. М. Ковалевского. На кафедре В. Л. Котвич проработал более тридцати лет, ведя большую преподавательскую и научную работу⁵³, являясь членом ученых советов, участвуя в многочисленных экспедициях по Калмыкии. Круг его научных интересов был необычайно широк.

Ему принадлежит руководство начатым по его инициативе большим проектом по собиранию, изучению и публикации цикла песен калмыцкого эпоса «Джангар», осуществленным в 1908 г. студентами, основным среди которых был Номто Очиров⁵⁴, в то время студент кафедры, записавший в русской академической транскрипции, разработанной отечественными лингвистами-ориенталистами, 10 песен от знаменитого исполнителя-рапсода того времени Ээлян Овла (1857—1920)⁵⁵. После перенесения текстов песен группой студентов-калмыков, обучавшихся в различных вузах Петербурга, на ойратскую письменность, так называемый *тод бичиг*, они были изданы литографским способом в Санкт-Петербурге⁵⁶. Это событие получило широкий научный резонанс, так как явилось первым изданием целого цикла песен, а не отрывочных его фрагментов, как раньше⁵⁷. Большое внимание уделял В. Л. Котвич и другим жанрам калмыцкого фольклора. Так, им было записано и издано большое количество загадок и пословиц⁵⁸. В 1918 г. ему было присвоено звание профессора. С этого времени работу на кафедре он совмещает с преподаванием на факультете общественных наук, в НИИ сравнительной истории и литературы Запада и Востока, с заведованием первым советским

востоковедным вузом — Институтом живых восточных языков им. Енукидзе. Он воспитал целую плеяду прекрасных востоковедов, среди которых были Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Б. Ринчин, Ц. Д. Номинханов, М. Левицкий. Будучи не только крупным ученым, но и замечательным человеком, он принимал большое участие в научной судьбе своих учеников⁵⁹ и всех заинтересованных в изучении Монголии. Так, благодаря его поддержке и умелому научному руководству, прекрасным знатоком и исследователем монгольского языка, фольклора, литературы, впоследствии лектором кафедры монгольского языка СПбГУ стал А. В. Бурдуков⁶⁰, на момент знакомства с В. Л. Котвичем работавший в одной из заготовительных компаний в Хангельцике на северо-западе Монголии. В 1923 г. В. Л. Котвич переехал во Львов, где возглавил кафедру филологии Дальнего Востока Львовского университета, затем такую же кафедру возглавил в Вильнюсе.

Другой талантливый студент кафедры, Г. Ц. Цыбиков (1873—1930)⁶¹, поступил на Восточный факультет в 1895 г. на стипендию П. А. Бадмаева, к тому времени ставшего известным деятелем и специалистом тибетской медицины. После окончания Университета он, по заданию Русского географического общества, совершил научный подвиг, предприняв путешествие в Тибет (1899—1902), за что был награжден премией им. Н. М. Пржевальского. На кафедре монгольского языка Г. Ц. Цыбикову работать не пришлось, т. к. почти сразу после окончания Университета он уехал по приглашению своего учителя А. М. Позднеева во Владивосток, где проработал почти пятнадцать лет сначала лектором, затем доцентом и наконец профессором в Восточном институте. Он перевел на монгольский язык курс лекций по истории монгольской литературы А. М. Позднеева. С 1917 г. работал в Улан-Удэ и Иркутске. Г. Ц. Цыбиков является автором большого количества учебных пособий и фундаментальных трудов по монголоведению, получивших признание в отечественной и зарубежной ориенталистике⁶².

Третьим студентом, подававшим большие надежды и оправдавшим их впоследствии, был А. Д. Руднев (1878—1958)⁶³, окончивший кафедру монгольской и калмыцкой словесности в 1903 г. Уже на студенческой скамье ярко проявился интерес А. Д. Руднева к живым монгольским языкам и его диалектам, при нем впервые живая речь стала объектом исследования. Сначала он занимался под руководством одного из крупнейших представителей алтайского языкознания — Г. И. Рамstedта, затем — общим языкознанием у Бодуэна де-Куртэне и тюркологией — у В. В. Радлова. Все это позволило А. Д. Рудневу открыть новое направление в монголоведении — диалектологию, в дальнейшем блестяще продолженное Б. Я. Владимирцовым. Этой проблеме посвящены его магистерская (1911) и докторская (1914) диссертации, вышедшие вскоре в виде монографий⁶⁴. В них автором было высказано много интересных научных гипотез, получивших подтверждение в более

поздних трудах ученых, например, гипотеза о заимствовании монголами литературного языка у керейтов или найманов вместе с письменностью. Его магистерская работа представляла собой первое описание южных диалектов монгольского языка, а в докторской диссертации внимание впервые было сосредоточено на хори-бурятском говоре, который лег в основу литературного бурятского языка. Эти работы получили высокую оценку специалистов. Ему принадлежит заслуга изучения монгольского языка в тесной связи с проблемами алтаистики. Им было поставлено два новых курса: «Обзор наречий монгольского языка» и «Особенности халхаского языка», содержанием которых впервые стал сравнительный анализ монгольских наречий.

С приходом на кафедру А. Д. Руднева преподавательские поручения распределились между ним и В. Л. Котвичем следующим образом: на первом курсе А. Д. Руднев читал лекции по грамматике письменного монгольского языка и вел практические занятия по текстам и хрестоматии А. М. Позднеева, на втором — знакомил с особенностями разговорного монгольского языка, отмечая существенные отличия его от наречий. В. Л. Котвич вел практические занятия по буддийским и историческим текстам с комментариями и читал лекции по калмыцкому и маньчжурскому языкам⁶⁵. В дальнейшем программа преподавания на кафедре монгольской и калмыцкой словесности расширяется. А. Д. Руднев вводит новые курсы: «Образцы народного творчества», «Основы разговорного языка», «Введение в изучение бурятских говоров», «Опыт сравнительного обозрения монгольских наречий», «Введение в монголоведение»⁶⁶.

А. Д. Руднев совершил несколько научных экспедиций по Монголии, Бурятии, Калмыкии как на собственные средства, будучи состоятельным человеком, так и будучи посланным Санкт-Петербургским университетом, а позже — Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, откуда привез большое количество рукописей (145 номеров) и вещевого материала (17 коллекций, 230 ед. хр.), которые хранятся сейчас в библиотеке Восточного факультета Университета, Архиве востоковедов при ИВР РАН (СПбФ ИВ РАН) и в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере). Имея прекрасное домашнее музыкальное образование, он занимался песенным фольклором монголов — записал и проанализировал 121 мелодию монгольских песен⁶⁷. Научный авторитет А. Д. Руднева был чрезвычайно велик, кроме того, он был прекрасным педагогом: среди его многочисленных учеников самый известный — Б. Я. Владимирцов. В Университете А. Д. Руднев преподавал до 1918 г. Оказавшись на территории Финляндии отрезанным от Родины из-за отмены железнодорожного сообщения между Россией и Финляндией, он навсегда остался за пределами Отечества, однако до конца дней не терял интерес к науке и переписывался с известными монголистами В. Л. Котвичем, Н. Н. Поппе, А. Мостартом.

В 1907—1908 гг. на кафедре работал в качестве лектора Ц. Ж. Жамцарано (1881—1942)⁶⁸, в то время — вольнослушатель Санкт-Петербургского университета, впоследствии выдающийся бурятский ученый-исследователь и собиратель монголоязычного фольклора, крупный общественно-политический деятель. К этому времени за спиной Ц. Жамцарано был богатейший опыт экспедиционной работы по сбору фольклорного и лингвистического материала в Бурятии, Монголии, куда он неоднократно посылался Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Результатами этих поездок явились издания фольклорных текстов в академической транскрипции, подготовленные вместе с А. Д. Рудневым⁶⁹. Он вел практические занятия по монгольскому языку и его наречиям, участвовал в сборе диалектологического материала и в составлении вместе с А. Д. Рудневым хрестоматии.

С 1908 по 1917 г. на кафедре работал и другой «серьезный научный деятель»⁷⁰, выдающийся бурятский ученый, собиратель фольклора, к тому времени выпускник санскритского отделения Восточного факультета, совершивший научное путешествие в Монголию и Тибет (1905—1909)⁷¹, за что был удостоен Русским императорским географическим обществом премии имени Пржевальского, — Б. Барадийн. За время преподавания на факультете разговорного языка он опубликовал большое количество блестящих новаторских научных статей по истории, культуре и религии монголов и тибетцев, основанных главным образом на материалах, полученных им в путешествиях по Монголии и Тибету⁷².

В начале XX в. содержание преподавания и научной деятельности монголоведов приняло новое направление — лингвистическое, ориентированное на изучение живых говоров монгольских языков, что значительно расширило рамки существовавшего до тех пор представления о литературном монгольском языке. Это повлекло за собой разработку новых учебных программ, что явилось причиной разделения в 1907 г. китайско-маньчжурско-монгольского разряда на китайско-маньчжурский и монголо-маньчжуро-татарский⁷³. Выделение последнего оправдывалось стремлением к научной постановке преподавания языков алтайской группы, в которую входили тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки. Студенты этого разряда могли выбрать один язык как основной, а другие языки изучать как дополнительные. Обязательным для всех становился курс «Введение в языковедение»⁷⁴.

Отличие формируемых новых разрядов от предыдущих, которые были созданы в 1864 г., заключалось в концептуальной установке, исходившей не из общности истории, политики и экономического устройства стран, а из языковой общности данных стран. Тематика студенческих работ, выполненных по прежнему разряду, носила историко-филологический характер, что находит подтверждение в названиях студенческих работ, например: «Причины падения юаньской династии», «История Монголии за

первые 20 лет правления Цзян луня», «Исторический очерк деятельности Зая Пандиты, его влияние на распространение буддизма у ойратов», «Критическое обозрение источников (преимущественно монгольских и калмыцких) по истории ойратов с древнейших времен до половины XVI в.», «Описание Сэцэн-хановского аймака, по „Илэтхэл шастир“ и европейским путешественникам», «Религия монголов в XIII в.», «Жизнеописание Чингис-хана по летописям Алтан Товчи и Саган Сэцэна», «Перевод двух первых дэюаней из Юань-чао-би-ши» в транскрипции А. М. Позднеева»⁷⁵.

С выделением нового разряда студенты стали привлекаться к транскрипционным занятиям текстов на различных диалектах монгольских языков, переводам на русский язык лингвистических работ (главным образом Г. И. Рамстедта), составлению таблиц о распространении различных диалектов, их различии, характере особенностей.

Таким образом, в течение XIX—начала XX в. монголоведение из новой научной отрасли, истоками развития которой были сбор письменных памятников, написание первых грамматик, словарей, хрестоматий, превратилось в фундаментальную науку, располагавшую как громадным материалом по языку, культуре, литературе, истории, политике, этнографии, религии монгольских народов, так и большим количеством учебных пособий по изучению разных аспектов преподаваемых дисциплин. Кроме того, сформировался круг блестящих специалистов, разработавших многие направления монголоведения и занявших лидирующие позиции в мировой науке.

XX в., явившийся сложным периодом в политической, экономической и идеологически-духовной жизни России, внес большие коррективы в развитие монголоведения в стране вообще и в работу кафедры монгольской и калмыцкой словесности Восточного факультета СПбГУ — в частности. Первые десятилетия после революции 1917 г. ознаменовались частыми реорганизациями структуры Университета. Преподавание монгольского языка осуществлялось в составе ФОНа (1919—1925), ЯМФАКа (1925—1929), ФИЛа (1929), ЛИИИ-ЛИФЛИ (1933—1937). Большая роль в подготовке специалистов-монголоведов принадлежала ЛИЖВЯ, созданному в 1933 г. как вуз, готовящий специалистов-практиков для работы в странах Востока. В 1934 г. в рамках ЛИФЛИ была учреждена тюрко-монгольская кафедра, заведующим которой стал видный отечественный тюрколог Н. Д. Дмитриев. В эти сложные годы во главе отечественной монголистики стоял Б. Я. Владимирцов (1884—1931)⁷⁶ — блестящий представитель русской классической школы востоковедения, академик, ученый, исследовавший многие направления монголоведения, расширивший и углубивший все его аспекты. Он заслуженно считается основоположником и главой советского монголоведения. В круг его научных интересов входили исследования по истории, филологии, этнографии и монгольскому языкознанию. В 1921 г. он получил звание профессора, в 1929 г. был избран

в число академиков АН СССР. Формирование его как ученого состоялось на Восточном факультете, где он учился с 1904 по 1909 г. Его учителями были В. Л. Котвич, А. Д. Руднев, Б. Б. Бартольд, Л. Я. Штернберг, Л. В. Щерба, В. В. Радлов, Бодуэн де-Куртэнэ.

В студенчестве Б. Я. Владимирцов совершил ряд экспедиций в Монголию, Калмыкию, прошел стажировки в Англии и Франции. К преподавательской деятельности на кафедре, которую он не оставлял до конца своей жизни, он приступил в 1915 г., начав чтения двух пробных лекций — «Состояние письменности и литературы у ойратских племен Северо-Западной Монголии» и «Обзор племен и наречий Северо-Западной Монголии»⁷⁷, после чего был утвержден в звании приват-доцента. К этому времени он уже состоялся как ученый, использующий в своих исследованиях новый сравнительно-исторический лингвистический метод. С помощью этого метода он плодотворно работал над изучением истории развития монгольского языка, его исторических связей с другими языками, вводил в научный обиход материалы живого монгольского языка, привлекал к исследованию все доступные памятники монгольской письменности. Обобщающим трудом в этом направлении стала его объемная монография «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия»⁷⁸. Б. Я. Владимирцов ввел на кафедре новый курс «Ойратский (калмыцкий) язык в древнеисторических памятниках и современных говорах».

С его приходом преподавательская нагрузка распределилась следующим образом. За А. Д. Рудневым остались лекции общелингвистического направления: введение в монголоведение, введение в изучение монгольского литературного языка, комментированное чтение исторических и художественных текстов, кроме того, он вел также семинары по бурятским наречиям. Б. Я. Владимирцов больше был занят на курсах лингвистической специализации: вел практические занятия по тексту «Истории Санан Сэцэна», монгольским текстам китайского переводного романа. Б. Б. Барадийн вел практические занятия по разговорному языку. В. Л. Котвич полностью перешел на преподавание маньчжурского языка⁷⁹. Такая ситуация сохранялась до 1918 г., когда кафедра лишилась А. Д. Руднева и Б. Б. Барадийна. В структуре Восточного факультета началась реорганизация. Б. Я. Владимирцов проявил себя прекрасным организатором — он был основателем ЛИЖВЯ, где возглавлял монгольское отделение. Кроме того, он являлся активным членом различных научно-исследовательских и научно-просветительских институтов: занимался в Азиатском музее описанием ценнейшей коллекции монгольских и ойратских рукописей, одновременно являлся секретарем коллегии востоковедов в Музее, секретарем восточного отделения Русского археологического общества, членом восточной секции научно-исследовательского института сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока им. А. Н. Веселовского, членом Монголь-

ской комиссии и Комиссии для исследования Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, членом редакционной коллегии экспертов восточного отдела издательства «Всемирная литература».

Сочетая громадную общественную работу с научной, Б. Я. Владимирцов оставил основополагающие труды по каждой отрасли монголоведения⁸⁰. Работами «Общественный строй монголов» и «Чингис-хан» он внес исключительно ценный вклад в изучение истории монголов. Некоторые его выводы, например о монопольном праве распоряжаться кочевьями как проявлении основной формы земельной собственности феодалов, были позже поддержаны историками и получили подтверждение в ходе научных дискуссий. Неменьший вклад в литературоведение внесли его публикации: «Образцы монгольской народной словесности», «Монгольский сборник рассказов из Pancatantra», монографии «Монгольская литература», «Монголо-ойратский героический эпос», «Надписи на скалах халхаского Цогту-тайджи», в которых он впервые сформулировал задачи монголоведного литературоведения, дал классификацию эпоса, затронул вопросы песенной поэтики. Б. Я. Владимирцов был не только ученым, оставившим после себя эпохальные труды по всем отраслям монголоведения, он являлся прекрасным учителем, воспитавшим целую плеяду высококлассных последователей: Н. П. Шастину, Г. Д. Санжеева, Г. И. Михайлова, Т. А. Бертагаева, Г. Н. Румянцева, Н. Н. Поппе.

Н. Н. Поппе, видный тюрколог и монголовед, работал в сложное для Восточного факультета время — 1923—1941 гг. После открытия в 1931 г. Института востоковедения он сочетал преподавание с заведованием Монгольским кабинетом ИВ АН СССР. Он читал теоретические курсы по монгольскому языку, истории языка, диалектологии, квадратной письменности, грамматике бурятского языка, на основе которых были написаны учебные пособия⁸¹. С началом Великой Отечественной войны Н. Н. Поппе, будучи на практике в Калмыкии, оказался на оккупированной немцами территории. В Россию он больше не вернулся. Им было оставлено значительное наследие по литературе, фольклору монгольских народов, труды по диалектологии, сравнительному языкознанию.

В 1926 г. началась преподавательская деятельность в Университете А. В. Бурдукова (1883—1943), прекрасного знатока живых монгольских языков, практика, осваивавшего теоретические университетские курсы во многом самостоятельно, под руководством В. Л. Котвича, А. Д. Руднева. Обладая живым умом, языковым талантом, он собирал фольклор, делал этнографические зарисовки, описывал важные события политической, экономической и культурной жизни Монголии, свои заметки и статьи публиковал в газетах и журналах того времени⁸². За работы в области географии и этнографии Монголии он был избран в 1916 г. членом-сотрудником Российского географического общества. А. В. Бурдуков препода-

вал разговорные монгольский и калмыцкий языки, занимался проблемами монгольской лексики и фразеологии, обработкой собранных им монгольских пословиц и поговорок. Несколько раз он совершал экспедиции в Калмыкию, где собрал большое количество лингвистического и фольклорного калмыцкого материала, подготовил и опубликовал ряд учебных пособий и научных статей. А. В. Бурдуков был бессменным секретарем тюрко-монгольской кафедры. В 1937 г. его творческая и научная жизнь трагически оборвалась: он был арестован, умер в лагере в 1944 г., посмертно реабилитирован. Оставил после себя богатое рукописное наследие, которое находится в настоящее время в Архиве КИГИ РАН в Элисте и Архиве востоковедов ИВР РАН (СПбФ ИВ РАН).

В довоенный период все монголоведные дисциплины преподавались на тюрко-монгольской кафедре, которую до 1942 г. возглавлял тюрколог Н. Д. Дмитриев. Преподавателей не хватало, поэтому часто привлекались преподаватели с других кафедр Восточного факультета и из других научных учреждений Ленинграда. Так, несколько лет старописьменный монгольский язык преподавал автор монгольско-русского, бурят-монгольско-русского, бурятского орфографического словарей⁸³ К. М. Черемисов (1899—1982)⁸⁴, сочетая данную работу с преподаванием в ЛИЖВЯ и заведованием издательским отделом этого же Института. Закончив в 1931 г. ЛГУ, он до 1937 г. жил в Ленинграде, затем в Улан-Удэ, работая в Бурят-монгольском научно-исследовательском институте (БИОН СО РАН, ИМБиг СО РАН), с 1954 г. — в Москве, участвуя в составлении коллективного китайско-русского словаря (руководитель — проф. Л. М. Ошанин), тибетско-русско-санскритско-английского словаря (руководитель — Ю. Н. Рерих). Используя богатый материал бурятского фольклора, письменных памятников, диалектные особенности языка, составил большой бурятско-русский словарь⁸⁵ на 44 000 слов, который до сих пор является основным пособием при переводе научной и художественной литературы с бурятского языка.

Военный период университетского монголоведения связан с именем С. А. Козина (1879—1956)⁸⁶, академика, ведущего специалиста XX в. в области монгольской филологии, оставившего после себя фундаментальные труды по основным историко-эпическим письменным памятникам монгольских народов («Сокровенному сказанию», «Гэсэру», «Джангару»⁸⁷) и несколько десятков научных статей по различным вопросам монгольского литературоведения и текстологии. Заслуги С. А. Козина были оценены, он был награжден правительственными наградами — орденом Ленина и орденом Трудового Красного знамени. С. А. Козин появился на тюрко-монгольской кафедре в 1934 г. Окончив Восточный факультет в 1903 г. по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду, он защитил магистерскую диссертацию «Обзор странствий бурят и монголов в Тибет», за которую был удостоен диплома первой степени. Однако после окончания Университета сфера его деятельности

была долгое время не связана с наукой: с 1906 по 1914 г. работал «в составе экспедиций по статистико-экономическому и этнографическому обследованию монгольских племен — сначала в Калмыкии, а затем в Монголии»⁸⁸, в 1914—1917 гг. был финансовым советником правительства Монголии⁸⁹, в 20-е гг. входил в состав активных организаторов и преподавателей ЛИЖВЯ. В 1941 г. С. А. Козину была присуждена ученая степень доктора филологических наук; в 1942 г., после смерти М. Д. Дмитриева, он принял на себя заведование тюрко-монгольской кафедрой, в 1943 г. был избран действительным членом АН СССР. В 1944 г., после второго открытия Восточного факультета, С. А. Козин возглавил его, став деканом и одновременно — первым заведующим кафедрой монгольской филологии. В то же время он являлся заведующим Монгольским кабинетом в ЛО ИВ АН СССР (СПбФ ИВ РАН / ИВР РАН).

На кафедре в Университете С. А. Козин преподавал старописьменный монгольский язык, читал курсы: «Введение в монголоведение», «История монгольской письменности» и ряд других предметов. Несмотря на большой объем организаторской работы, активную научную деятельность, трудный военный и послевоенный период нашего Отечества, отягощенный сложной политической ситуацией в стране, подчас не дававшей возможности свободно творить и высказывать научные гипотезы⁹⁰, С. А. Козин умело сочетал проводимые исследования с преподавательской работой и участвовал в воспитании нового поколения отечественных монголоведов. Одним из представителей нового поколения был В. М. Наделяев, видный лингвист, доктор филологических наук, с. н. с. Института языкознания АН СССР (ИЛИ РАН), проработавший на кафедре с 1944 по 1958 г. в должности старшего преподавателя и прочитавший ряд спецкурсов, в том числе: «Сокровенное сказание», «Квадратная письменность», «Традиционная грамматика монгольского языка». Им был подготовлен курс по фонетике и грамматике современного монгольского языка, на основе которого он создал наглядное учебное пособие в виде удобных фонетических таблиц.

На середину XX в. приходится преподавательская деятельность Т. А. Бурдуковой, дочери А. В. Бурдукова, которая не только продолжила направления исследований своего отца, но и значительно их разработала. Она стала преподавать на кафедре с 1937 г. (после окончания ЛИФЛИ), вела занятия по монгольской каллиграфии, старописьменному монгольскому и калмыцкому «ясному» письму, разговорному монгольскому языку, современному калмыцкому языку, сначала — в качестве ассистента, затем — как старший преподаватель. Сразу после войны она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Бурятская историческая хроника Шираб Нимбои Хобитуйева», в 1947 г. получила звание доцента. Т. А. Бурдукова работала до 1976 г., являясь единственным специалистом по калмыцкому языку: в 1958 г. составила учебник по синьцзян-ойратскому письменному язы-

ку, словарь по современному калмыцкому языку, учебник по современному калмыцкому языку, ею собран материал по истории монгольской литературы. Все эти материалы находятся в настоящее время в Архиве востоковедов ИВР РАН (СПбФ ИВ РАН) и ждут своего исследователя и издателя. Кроме того, она была высококлассным переводчиком художественной литературы с монгольского языка: ею переведены многочисленные рассказы и повести современных монгольских авторов.

Сразу после войны начал свою преподавательскую деятельность Д. А. Алексеев (1908—1973)⁹¹, закончивший монгольское отделение ЛИФЛИ в 1937 г. и аспирантуру того же института — в 1940 г., защитивший диссертацию по теме «Наречие в бурят-монгольском языке». До работы на кафедре он несколько лет проработал в Бурятии, в Улан-Удэ — в НИИ языка и литературы старшим научным сотрудником и заведующим сектором языка и письменности, и одновременно — преподавателем бурят-монгольского языка в Бурятском государственном педагогическом институте. Д. А. Алексеев имел более 40 научных трудов по лингвистическим проблемам: синтаксису сложного предложения, диалектам бурятского языка, грамматике бурятского языка, наречиям, послелогам, частицам в бурятском языке, читал курсы: «Бурятский язык», «Сравнительная грамматика монгольских языков», «Бурятская диалектология», вел практические занятия по старописьменному и разговорному монгольскому языку. Под его руководством успешно прошли учебу в Университете и аспирантуре большое количество целевых студентов и аспирантов из Бурятии, получивших глубокие фундаментальные знания по многим отраслям классического монголоведения и проявивших себя как видные специалисты на своей Родине. Среди них можно выделить таких ученых, как: Б. Б. Бадараев (ок. ун-т 1952) — зав. лабораторией источниковедения индо-тибетской медицины ОБАВ БФ СО АН СССР; Л. Д. Бадмаева (ок. асп. 1989) — канд. филол. наук, зав. сектором языкознания ИМБИТ СО РАН; Р. Л. Балдаев (ок. ун-т 1952) — канд. ист. наук, доцент кафедры истории Бурятского педагогического института; Е. В. Баранникова (ок. асп. 1951) — с. н. с. отдела литературоведения, фольклористики и искусствоведения БИОН; Д. И. Бураев (ок. ун-т 1980, асп. 1987), декан Восточного факультета БГУ; И. Д. Бураев (ок. ун-т 1952, асп. 1956) — зав. отделом языкознания БИОН; Г. О. Галданова (ок. ун-т 1971) — с. н. с. отдела памятников письменности Востока БИОН; Х. Ж. Гармаева (ок. ун-т 1973) — с. н. с. отдела памятников письменности Востока БИОН; К. М. Герасимова (ок. ун-т 1947, асп. 1959) — доктор филол. наук, гл. н. с. БИОН; Г. Б. Дагданов (ок. ун-т 1975) — доктор филол. наук, зав. кафедрой восточной филологии БГУ; Д. Б. Дашиев (ок. ун-т 1973) — канд. филол. наук, с. н. с. БИОН; Г. С. Дугарова-Монтгомери (ок. ун-т 1979, асп. 1985), канд. филол. наук, н. с. БИОН, в настоящее время живет и работает в США (универси-

тет г. Блумингтон); В. И. Золхоев (ок. ун-т 1951, асп. 1957) — доктор филол. наук, зав. кафедрой русского языка факультета бурятской филологии БГУ; В. Э. Раднаев (ок. ун-т 1968) — канд. филол. наук, сотрудник научно-технической библиотеки МПС РФ; В. В. Рассадин (ок. ун-т 1962) — доктор филол. наук, профессор, декан Восточного факультета БГУ; А. Б. Соктоев (ок. ун-т 1953) — членкор АН РАН, доктор филол. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. сектором памятников фольклора Института истории, филологии и философии СО АН СССР, директор Института филологии СО РАН; Г. О. Туденов (ок. ун-т 1953, асп. 1956) — канд. филол. наук, с. н. с. БИОН СО РАН; М. П. Хомонов (ок. ун-т 1941, асп. 1950) — канд. филол. наук, с. н. с. БИОН; В. Б. Цыремпилов (ок. ун-т 1974), н. с. БИОН; Л. Д. Шагдаров (ок. асп. 1973) — доктор филол. наук, заслуженный деятель науки РБ, гл. н. с. отдела языкознания БИОН.

В послевоенные годы на кафедру из ИВ АН СССР был приглашен с. н. с. Монгольского кабинета Л. С. Пучковский (1899—1970), канд. филол. наук (1945), работавший в то время над описанием монгольских рукописей Института⁹². Он прочел спецкурс по монгольскому источниковедению, что являлось основной сферой его научной деятельности.

С 1946 по 1954 г. на кафедре монгольской филологии работал доцент А. П. Конаков, читавший курсы «Введение в монголоведение» и «История монголоведения», кроме того, он вел занятия по старописьменному монгольскому языку.

В 1953 г., после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации по теме «Творчество современного монгольского писателя Ц. Дамдинсүрэн», начала свою педагогическую деятельность Л. К. Герасимович (р. 1923). В 1973—1987 гг. она возглавляла кафедру, с 1976 по 1978 г. являлась членом ученого совета БИОН (Бурятия, Улан-Удэ). Л. К. Герасимович проработала на кафедре до 1999 г. Ею были разработаны и прочитаны курсы по старой и современной монгольской литературе: «История монгольской литературы начала XIII—XX в.» и «Монгольская литература 1921—1990 гг.», подготовлен ряд спецкурсов: «Творчество современного монгольского писателя Ц. Дамдинсүрэн», «Монгольская поэтика». Л. К. Герасимович вела занятия по старописьменному монгольскому языку — на 1-м и 2-м курсах и по современному монгольскому языку — на 3-м и 5-м курсах. Под руководством Л. К. Герасимович студентами и аспирантами кафедры был написан ряд курсовых, дипломных работ, проводились диссертационные исследования по истории развития монгольской литературы 1921—2000 гг. Л. К. Герасимович — автор четырех монографий⁹³. О научной и педагогической деятельности Л. К. Герасимович опубликовано более 15 статей в монгольском журнале «Цог» и центральных монгольских газетах. С середины 90-х гг. в Улан-Баторе проходят ежегодные семинары для студентов филологических факультетов вузов Монголии, посвященные Л. К. Герасимович.

Л. К. Герасимович — руководитель шести аспирантов, защитивших диссертации на звание кандидата филологических наук по специальности «современная монгольская литература»: А. Пахутовой, С. Н. Цеденовой, С. Байгалсайхана (Монголия), М. П. Петровой, Н. П. Бьерке (Биткеевой), Р. В. Ивлевой. Среди бывших студентов Л. К. Герасимович есть доктора и кандидаты наук, например: д-р филол. наук Л. Г. Скородумова, находящаяся в настоящее время на дипломатической работе в Монголии; д-р филол. наук А. Федотов — директор Корейского научного центра Болгарии; канд. филол. наук И. В. Кульганек — с. н. с. сектора тюркологии и монголистики ИВР РАН (СПбФ ИВ РАН). Л. К. Герасимович награждена двумя медалями Монголии «Дружба» (1982, 2003), лауреат премии им. Ц. Дамдинсүрэн.

С 1956 г. на кафедре работает З. К. Касьяненко (р. 1925), окончившая Восточный факультет в 1950 г. и в 1953 г. защитившая кандидатскую диссертацию на тему «К вопросу о сложноподчиненном предложении в современном монгольском языке» (переведена на должность доцента в 1971 г.). З. К. Касьяненко ведет преподавание старописьменного и современного монгольского языка, читает курсы: «Монгольское источниковедение», «Монгольская текстология», «Введение в монголоведение», «История монголоведения», «История монгольской письменности», «Синтаксис монгольского языка», является автором учебника «Современный монгольский язык»⁹⁴, книги «Каталог монгольского Ганджура»⁹⁵. Под руководством З. К. Касьяненко написано большое количество курсовых, дипломных работ, диссертационных исследований по монголоведному языкознанию. Основное направление научных исследований З. К. Касьяненко — лингвистика, источниковедение, текстология, история науки: ей принадлежит более 40 статей на русском, английском, немецком, монгольском языках. Монгольское правительство высоко оценило научный и педагогический труд З. К. Касьяненко: за заслуги перед Монголией она награждена орденом «Полярной звезды». Ее ученики работают в Бурятии, Калмыкии, Санкт-Петербурге, Москве. Среди них видные ученые монголоеды: канд. филол. наук руководитель лаборатории лингвистики КГУ (Элиста) В. И. Рассадин; канд. филол. наук с. н. с. ИМЛИ им. А. М. Горького А. В. Кудряров; канд. филол. наук проф. РГУ А. Д. Цендина; канд. филол. наук проф. Восточного факультета СПбГУ В. Л. Успенский; канд. филол. наук с. н. с. сектора тюркологии и монголистики ИВР РАН (СПбФ ИВ РАН) А. Г. Сазыкин; канд. филол. наук с. н. с. сектора тюркологии и монголистики Н. С. Яхонтова, канд. филол. наук доцент кафедры монгольской филологии СПбГУ Е. А. Кузьменков. З. К. Касьяненко много времени и сил уделяла разработке и внедрению новых курсов, совершенствованию существующих. Ее неутомимая деятельность и подвижничество позволяли сохранять традиции классического петербургского монголоведения, главными отличительными чертами представителей которого является пре-

красное знание предмета, увлеченность делом и любовь к выбранной специальности.

В эти годы на кафедру приглашались преподаватели других кафедр, научных учреждений Санкт-Петербурга, Монголии и зарубежья.

В 1968—1969 гг. разговорный монгольский язык вели преподаватели из Монголии: Момо и Лувсандорж, в это же время стажировался на кафедре известный монгольский лингвист Лувсанвандан, который прочел несколько лекций по грамматике монгольского языка. Сотрудник Венгерской Академии наук Д. Кара, приехавший в научные командировки в ИВР РАН (ЛЮ ИВ АН СССР) в 1970, 1971, 1974—1976 гг., давал студентам консультации по текстологии письменных монгольских памятников. Б. Содном, известный монгольский ученый-филолог, историк, провел в 1969 г. со студентами встречу, посвященную теме «История монголоведения в Монголии»; Академик Ц. Дамдинсүрэн, классик монгольской филологии, писатель, поэт, собиратель рукописей и ксилографов, общественный деятель, прочитал несколько лекций по монгольской филологии во время своих неоднократных приездов в Санкт-Петербург с научными целями в 1960—1970-х гг. В 1970 г. приглашался для чтения лекций о первом памятнике монгольской литературы — «Сокровенном сказании» — сотрудник ИВР РАН (ЛЮ ИВ АН СССР) Б. И. Панкратов.

В 70—80-е гг. сотрудники кафедры индийской филологии Восточного факультета В. Г. Эрман и Н. В. Гуров преподавали на кафедре монгольской филологии язык санскрит. В 80-е гг. приглашался для чтения спецкурса по сравнительному языкознанию алтайских языков заведующий сектором алтайских языков Института языкознания АН СССР Д. М. Насилов. В 1972 г. на кафедру монгольской филологии было переведено с кафедры китайской филологии тибетское отделение, все основные тибетологические дисциплины на котором с 1958 г. вел Б. И. Кузнецов (1931—1985), выпускник кафедры китайской филологии, аспирант Б. И. Панкратова, доцент кафедр китайской, затем монгольской филологии. Эта реорганизация была предпринята с целью дать студентам-монголоведам второе — тибетологическое образование, чтобы они могли работать в области как тибетской, так и монгольской филологии. Б. И. Кузнецов возглавлял тибетскую часть преподавания на кафедре монгольской филологии до конца жизни. Им читались следующие курсы: «Введение в тибетскую филологию», «Тибетский язык», «Тибетская литература», «История буддизма», «Современный тибетский язык», «Тибетские ксилографы»⁹⁶. Среди его бывших студентов есть ученые, работающие в настоящее время в РФ, Германии, Чехии, Болгарии, Венгрии, Индии, Финляндии, Англии, странах Балтии, Бурятии, Калмыкии.

Одним из учеников Б. И. Кузнецова и его последователем стал Б. М. Нармаев, который начал преподавать тибетский язык, будучи студентом, продолжил преподавательскую деятельность в аспирантские

годы и был зачислен в штат Университета в 1975 г. В 1987 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Формирование монгольских и ойратских калмыцких версий Гэсэриады». В 1989—1990 гг. он находился на стажировке в Центральном институте национальных меньшинств в Пекине, во время которой посетил тибетские монастыри в Лхасе и Шигадзе, научные и высшие образовательные учреждения Внутренней Монголии и Ордоса. В 90-е гг. несколько раз курировал студентов во время их практики в Монголии. С 2000 по 2002 г. возглавлял кафедру. В настоящее время Б. М. Нармаев продолжает работать на кафедре в должности доцента, является членом ученого совета Восточного факультета, читает курсы: «Тибетский классический язык», «Тибетская литература», спецкурс «Литературные версии эпоса „Гэсэр“». Б. М. Нармаев — автор более чем 30 научных статей по средневековой тибетской, монгольской, ойратской литературе, руководитель более чем 50 курсовых и дипломных работ, постоянный участник общероссийских конференций в Калмыкии, проводимых КИГИ РАН, КГУ, преподаватель нескольких курсов по введению в тибетскую филологию, а также председатель аттестационной комиссии факультета калмыцкой филологии и культуры КГУ.

Велики заслуги кафедры перед современным калмыковедением. Многие ее выпускники, впоследствии получившие звание кандидатов и докторов наук, работают в научных и образовательных учреждениях Калмыкии: П. Ц. Биткеев, д-р филол. наук, специалист в области фонетики, общего языкознания, проф. КГУ; Т. С. Есенова, д-р филол. наук, специалист в области калмыцкой экспериментальной фонетики, интонологии; Э. У. Омакаева, канд. филол. наук, лингвист и культуролог, с. н. с. КИГИ РАН; К. В. Орлова, канд. филол. наук, литературовед и религиовед, с. н. с. ИВ РАН; С. Н. Цеденова, канд. филол. наук, доцент кафедры калмыцкой литературы факультета калмыцкой филологии и культуры КГУ; Д. Н. Музраева, канд. филол. наук, с. н. с. КИГИ РАН; Н. О. Кокшаева, канд. филол. наук, доцент кафедры калмыцкой литературы факультета калмыцкой филологии и культуры КГУ; В. О. Чуматов (Поляев), м. н. с. НИИИФЭ (с 1999 г. — КИГИ РАН), ныне лама казачьего войска Калмыкии.

С 1976 г. на кафедре монгольской филологии работает её выпускник доцент Е. А. Кузьменков. Главное направление его научных исследований — лингвистика. В 1984 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Глагол в монгольском языке». С 1991 по 2001 г. он возглавлял кафедру, читал курсы: «Современный монгольский язык», «Старописьменный монгольский язык», «Теоретическая грамматика монгольского языка», «Диалектология», «Сравнительно-историческая грамматика монгольских языков». Е. А. Кузьменков написал две монографии, около 70 его работ опубликованы как в России, так и за рубежом (в Великобритании, Германии, Китае, Монголии, США и др.).

С 1987 г., сразу после окончания Университета, была оставлена на кафедре в качестве ассистента М. П. Петрова. Под руководством Л. К. Герасимович ею была написана и защищена в 1997 г. кандидатская диссертация на тему «Монгольская поэзия в 1980—1990 гг. XX века». М. П. Петрова была избрана на должность доцента в 2001 г., получила звание доцента в 2004 г. Ею читаются базовые курсы: «История монгольской литературы XIX—XX вв.», «Современный монгольский язык», спецкурсы: «Монгольская поэзия 1980—1990 гг. XX века», «Современная монгольская поэзия». М. П. Петрова — автор учебного пособия по монгольскому языку⁹⁷, 25 научных статей по истории развития средневековой и современной монгольской литературы, художественных переводов монгольских авторов и научных переводов зарубежных монголоведов, участник 12 общероссийских и 6 международных конференций. Под ее руководством студенты пишут дипломные и курсовые работы по творчеству современных монгольских писателей, современной монгольской поэзии, литературе Внутренней Монголии и Калмыкии.

В 1990 г., после второго года обучения в очной аспирантуре на кафедре монгольской филологии, был принят в штат кафедры на должность ассистента К. В. Алексеев, выпускник монголо-тибетского отделения кафедры монгольской филологии, ученик Б. И. Кузнецова, Б. М. Нармаева, З. К. Касьяненко и Е. А. Кузьменкова. К. В. Алексеев преподает старописьменный монгольский и тибетский языки, читает курсы: «Монгольская средневековая литература», «Тибетская литература», «Тибетская агиографическая литература», «Введение в монголоведение», «Текстология». К. В. Алексеев — автор каталога рукописей коллекции О. М. Ковалевского, находящейся в Вильнюсе⁹⁸, более чем 15 научных статей по вопросам тибетской и монгольской средневековой литературы, участник общероссийских конференций и круглых столов. Под его руководством написано и защищено более 30 курсовых и дипломных работ по тибетскому буддизму, текстологии, агиографии, монгольской средневековой литературе.

С 1999 г., после прохождения очной аспирантуры под руководством Л. К. Герасимович и защиты кандидатской диссертации по теме «Монгольский поэт Дултуйтын Равжа (1803—1856). Дидактическая поэзия» на кафедре работает Н. П. Бьерке (Биткеева). Она преподает современный монгольский язык, читает курс «Монгольская литература» и спецкурс «Творчество монгольского поэта XIX в. Д. Равжи». Автор монографии⁹⁹ и 10 научных статей по средневековой монгольской литературе, участник четырех российских и одной международной конференции (Нью-Джерси, США), руководитель курсовых и дипломных студенческих работ, посвященных проблемам средневековой и современной монгольской литературы.

С 2003 г. кафедру возглавляет доцент П. Л. Гроховский, выпускник кафедры монгольской филологии, а затем — аспирант д-ра филос. наук Е. А. Тор-

чинова, защитивший в 2000 г. кандидатскую диссертацию на тему «Самадхираджа-сутра как памятник буддийской канонической литературы». П. Л. Гроховский читает курсы: «Тибетский классический язык», «Теоретическая грамматика тибетского языка», спецкурсы «Введение в буддизм», «Буддийская каноническая литература». Им подготовлено и издано учебное пособие по канонической буддийской литературе¹⁰⁰. П. Л. Гроховский — самый молодой заведующий кафедрой монгольской филологии за всю историю ее существования. Однако богатейшие традиции петербургского классического востоковедения и научные достижения более чем 250-летнего изучения Монголии видными учеными-монголоведами позволяют кафедре во главе с П. Л. Гроховским поддерживать высокий уровень монголоведного образования.

Кафедра монгольской филологии активно поддерживает научные связи с монголоведными центрами Санкт-Петербурга, российскими центрами в Бурятии, Калмыкии, международными — в Монголии, Венгрии, Китае, Внутренней Монголии, США, Германии, Японии, Чехии, Польше, Швеции. Студенты регулярно отправляются (после двух-трех лет обучения) на годичную стажировку в Монгольский государственный университет, в ряде случаев практику курирует преподаватель — сопровождающий от кафедры. По возвращении студенты предоставляют отчеты о работе, проделанной в Монголии. На кафедре с 1966 г. действует студенческое научное общество, наиболее активным периодом функционирования которого были годы, когда его работой руководила доцент З. К. Касьяненко. Было прочитано более 30 докладов разной тематики, как близко соприкасавшейся с курсовыми и дипломными работами, так и выбранной студентами дополнительно к своим основным занятиям. В последнее время заметно активизируется работа в СНО, руководит которой заведующий кафедрой доцент П. Л. Гроховский. Студенты и преподаватели ежегодно участвуют в факультетских и городских, российских и международных научных монголоведных мероприятиях.

На кафедру продолжают приглашать для чтения спецкурсов сотрудников других кафедр и различных научных учреждений Санкт-Петербурга, Монголии. С 1976 по 2006 г. регулярно читала спецкурс по этнографии Монголии с. н. с. Института антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Л. Л. Викторова. С 1999 г. приглашается на кафедру для чтения спецкурса по истории искусства Центральной Азии с. н. с. Отдела Востока Государственного Эрмитажа канд. ист. наук Ю. И. Елихина, окончившая Восточный факультет ЛГУ по кафедре монгольской филологии в 1988 г. В спецкурсе главное внимание уделяется буддийскому искусству Монголии, Индии, Непала, Восточного Туркестана, Тибета, Китая. Особо выделяются коллекции Хара-хото и Дуньхуана. Данный спецкурс прослушали более 20 человек. Она руководит также курсовыми работами студентов, в которых исследуются искусствоведческие

и культурологические проблемы, отраженные в тибетских и монгольских письменных памятниках.

С 2003 г. приглашается на кафедру для чтения курса «Монгольский фольклор» и спецкурса «Поэтика монгольского фольклора» с. н. с. сектора тюркологии и монголистики ИВР РАН (СПбФ ИВ РАН) И. В. Кульганек. В данных курсах прослеживается на всех уровнях органическая связь монгольской литературы с фольклорными традициями, используются фонозаписи монгольского, бурятского, калмыцкого эпоса и песен в исполнении знаменитых рапсодов из коллекций Пушкинского дома, а также в исполнении современных певцов в записях на пластинках и компьютерных дисках. И. В. Кульганек является также постоянным руководителем и оппонентом курсовых и дипломных работ студентов по монгольской литературе и фольклору.

В 1997—2001 гг. на тибетском отделении кафедры впервые было введено преподавание разговорного тибетского языка и его диалектов, которое обеспечивалось с. н. с. сектора Дальнего Востока ИВР РАН (СПбФ ИВ РАН) Р. Н. Крапивиной, получившей практические знания диалектов тибетского языка во время двухлетней стажировки в монастырях Непала и Тибета, предпринятой ею в середине 90-х гг. С 2003 г. преподавание современного тибетского языка на тибето-монгольском и монголо-тибетском отделениях кафедры осуществляется ассистентом, затем — доцентом кафедры истории стран Дальнего Востока канд. филол. наук Е. Н. Афоной.

В 2008 г. в результате реорганизации кафедра монгольской филологии была расширена и переименована в кафедру монголоведения и тибетологии. В нее вошли преподаватели кафедры истории стран Дальнего Востока доценты А. В. Попов и Е. А. Афоина; приглашена для чтения курса по теоретической грамматике монгольского языка и руководства рядом курсовых работ с. н. с. ИВР РАН (СПбФ ИВ РАН) Н. С. Яхонтова; принят в штат на постоянную работу д-р ист. наук проф. В. Л. Успенский, который стал читать курсы по диалектологии и по истории монгольской литературы. Курс санскрита обеспечивает канд. филол. наук доцент С. С. Тавашерна.

В настоящее время на кафедре монголоведения и тибетологии обучаются 25 человек. Студенты кафедры изучают китайский, санскрит, старописьменный и современный монгольский, классический и современный тибетский языки. Читаются следую-

щие базовые курсы: «Введение в монголоведение», «История Центральной Азии», «География Центральной Азии», «Культура и этнография Монголии», «Социально-политическая система и экономика Монголии и Тибета», «Древняя и средневековая литература Монголии», «Древняя и средневековая литература Тибета», «История монгольской литературы», «История средневековой монгольской литературы», «История средневековой тибетской литературы», «Теоретическая грамматика монгольского языка», спецкурсы: «Сравнительная грамматика монгольских языков», «Монгольская текстология», «Монгольское источниковедение», «Монгольский фольклор», «Буддизм в Тибете и Монголии», «Буддийское искусство в Центральной Азии», «Институт Далай лам». Помимо лекционных занятий, предусмотрены семинарские занятия по отдельным вопросам грамматики современного и старописьменного монгольского языка. На кафедре проходят апробацию кандидатские и докторские филологические монголоведческие диссертации.

Особенно большую роль играет кафедра монгольской филологии (ныне — монголоведения и тибетологии) в подготовке кадров для Калмыкии, Бурятии. В последнее время активизировались, по сравнению с прошлым десятилетием, научные контакты с Монголией, Китаем, Внутренней Монголией: в 2003—2004 гг. на кафедре стажировался Ю. Цэцэнмөнхө (монголовед-фольклорист из Хухе-хото), С. Цэцэнмөнхө (монголовед-фольклорист из Пекина), издавший в Петербурге во время своей стажировки монографию¹⁰¹. В 2004—2005 учебном году семинарские занятия по разговорному монгольскому языку проводил аспирант ИЛИ РАН Монголии Б. Товшинтогс. Аспирантка из Монголии Б. Дайрийма пишет работу об образах монгольской народной сказки под руководством И. В. Кульганек.

В настоящее время задачами кафедры является теоретическое углубление и методическое усовершенствование преподавания разработанных курсов; освоение утраченных со временем специализаций (разговорный бурятский, разговорный калмыцкий языки, практическая диалектология); сохранение и развитие научных связей с образовательными и научными востоковедными учреждениями в России и за рубежом; овладение современными техническими компьютерными возможностями, использование их в преподавании и в научных исследованиях.

Примечания

1. Первое посольство возглавил В. Тюменец в 1616 г., второе — И. Петлин — в 1618 г., за ними последовали посольства К. Корякина — в 1632 г., С. Греченина, П. Семенова — в 1650 г., Д. Копылова — в 1654 г., Р. Старкова — в 1660, 1662 гг., Я. Тунальского, П. Маврова — в 1664 г. С 1692 г. через Монголию стали проходить русские посольства, направлявшиеся в Китай, первое из которых (1692) возглавил Эверт-Избрант Идес. В 1697 г. были открыты торговые караванные пути в Монголию купцами С. Лангусовым и И. Савватеевым, в 1699 г. туда

отправился купец Г. Осколко. Об этом см.: А. Г. Сазыкин. Введение // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801—1878). Казань. 2004. С. 5—8.

2. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 196. (Далее: Монголовед Ковалевский...)

3. Там же. С. 196.

4. Ш. Б. Чимитдоржиев. Игумнов А. В. // Российские монголоведы (XVIII—начало XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 10—18 (далее: Российские монголоведы...); Л. С. Пучковский Александр Васильевич Игумнов (1761—1843) // Очерки

- по истории русского востоковедения. М., 1960. Сб. 3. С. 166—195.
5. Монголовед О. М. Ковалевский...; Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность. Казань, 2002. (Далее: Наследие монголоведа...); Г. Ф. Шамов. Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983; О. Н. Полянская. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). Улан-Удэ, 2001.
 6. Днем создания Азиатского музея принято считать 18 ноября 1818 г., день распоряжения президента АИ С. С. Уварова об организации Восточного кабинета для хранения медалей, рукописей и восточных книг и назначения хранителем кабинета академика Х. Д. Френа, который и предложил для кабинета другое название — «Азиатский музей». См. об этом: *Базиянц А., Кузнецова Н., Кулагина Л.* Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР. 1818—1968. М., 1969. С. 17.
 7. СПбФ АРАН, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 5, л. 120. Цит. по: *Д. Б. Улымжиев.* Монголоведение в России во второй половине XIX—первой половине XX в.: петербургская школа монгологов. Улан-Удэ, 1997. С. 42.
 8. Основной труд: *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особенно от покорения всех Российской державой по сии времена. СПб., 1750.
 9. Основной труд: *И. Э. Фишер.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
 10. Основной труд: *P. G. Pallas.* Samkungen historischer Nachrichten uber die mongolischen Volkerschaften. SPb., 1776.
 11. См. о нем: *Х. Гармаева.* Шмидт Я. И. // Российские монголоведы. С. 19—24.
 12. *Geshichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses.* Verfasst von Ssanang Ssetsen Chutgtaidschi der Ordus. St.-Petersburg, 1829; *Die Bogda Gassar chan's des Vertilgere der Wutzel der zehn Ubel in zehn Gegenden.* St.-Petersburg., 1834.
 13. *Grammatik der mongolischen Sprache.* St.-Petersburg, 1831; Монголо-немецко-русский словарь. СПб., 1835.
 14. Сибирский вестник (с 1818); Азиатский вестник (с 1827). Труды восточного отделения Археологического общества (с 1846); Записки восточного отделения Русского Археологического общества (с 1855).
 15. О нем см.: *В. П. Таранович.* И. Рассохин и его труды по китаеведению // Советское востоковедение. Т. 3. 1945.
 16. *А. Н. Хохлов.* Духовная миссия в Пекине и начало русского монголоведения (Путешествия и труды Н. Я. Бичурина) // Монголовед О. М. Ковалевский... С. 9—42; *Шастина Н. П.* Значение трудов Н. Я. Бичурина для русского монголоведения // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. М., 1956. С. 194—195; Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения): Материалы конференции. Часть 1. М., 1977; *З. И. Горбачев.* Рукописное наследие Иакинфа Бичурина // Учен. зап. Ленинградского ун-та. Серия востоковедных наук. Вып. 4. Л., 1954.
 17. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии. СПб., 1829; История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1928; Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
 18. См. об этом: *Р. М. Валеев.* Казанское востоковедение: история и развитие (XIX в.—20 гг. XX в.). Казань, 1998. С. 142—158; *Р. М. Валеев.* Формирование и развитие казанского университетского востоковедения: разряд восточной словесности Казанского университета (1807—1855) // Монголовед О. М. Ковалевский... С. 73—94. (Далее: Формирование...)
 19. Там же. С. 83.
 20. См. о нем: *Ш. Б. Чимитдоржиев.* А. В. Попов (1808—1880) // Российские монголоведы... С. 32—35.
 21. *О. М. Ковалевский.* Монгольская хрестоматия. Казань, 1836—1837; Буддийская космология. Казань, 1837; Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1—3. Казань, 1844—1848; Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835; *А. В. Попов.* Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку. Казань, 1836; *А. В. Попов.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1848.
 22. См. о нем: *Д. Б. Улымжиев.* Доржи Банзаров (1822—1855) // Российские монголоведы... С. 61—70; *Н. В. Ким.* К биографии Доржи Банзарова // Этнографический сборник. № 36. Улан-Удэ, 1974; *И. Савельев.* О жизни и трудах Доржи Банзарова // Сб. «К столетию со дня рождения Доржи Банзарова». Улан-Удэ, 1955; *М. П. Хамаганов.* Доржи Банзаров в оценке деятелей литературы и науки // Учен. зап. Бурятского пед. ин-та. Вып. VIII. Улан-Удэ, 1955.
 23. См. о нем: *И. Шаракишинова.* Бобровников А. А. (1821—1865) // Российские монголоведы... С. 47.
 24. См. о нем: *Д. Б. Улымжиев.* А. И. Шифман. Гомбоев Галсан (1818—1863) // Российские монголоведы... С. 40—46 (Далее: Гомбоев Галсан...); *И. О. Шаракишинова.* Жизнь и деятельность монголоведа Галсана Гомбоева // *Studia Nongolica.* Т. IX. Вып. 1—18. Ulaanbaatar, 1982.
 25. *Р. М. Валеев.* Формирование... С. 88.
 26. *Р. М. Валеев.* Там же. С. 87—88.
 27. ЦГИА ЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 15273, с. 2. Цит. по: *З. К. Касьяненко.* Монголоведение в Санкт-Петербургском университете... С. 141.
 28. Кафедра монгольской и калмыцкой словесности СПбГУ предназначалась О. М. Ковалевскому. См. об этом: ЦГИА ЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5508, с. 6. Однако он был назначен на пост ректора Казанского университета, что, вероятно, связано с невозможностью его переезда в СПб., поскольку он оставался в статусе политического ссыльного из Вильно в Казань за участие в противонаправительственной организации «Филомагов и филаретов».
 29. ЦГИА ЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5508, с. 1—80. Цит. по: *З. К. Касьяненко.* Монголоведение в Санкт-Петербургском университете... С. 144. По другим сведениям, А. И. Попов покинул Санкт-Петербург в 1860 г. См. об этом: *Д. Б. Улымжиев.* А. И. Шифман. Гомбоев Галсан... С. 34.
 30. *З. К. Касьяненко.* Монголоведение в Санкт-Петербургском университете (1855—1917) // Культура Монголии в Средние века и Новое время. Улан-Удэ, 1986. С. 145.
 31. Там же. С. 144.
 32. Этой встрече предшествовали трагические для Г. Гомбоева события: при возвращении из одной из экспедиций по калмыцким степям на него напали разбойники. По прибытии в Казань он был помещен в клинику, где и произошла встреча со студентом юридического факультета Л. Н. Толстым. См. об этом: *И. Линдер.* Толстой и шахматы. М., 1960 г. Цит. по: *Д. Улымжиев.* А. И. Шифман. Галсан Гомбоев... С. 42. С. Д. Серебряный считает, что «факт знакомства Льва Николаевича Толстого и Галсан Гомбоева в казанской клинике требует более документированных доказательств». См. об этом: *С. Д. Серебряный.* Лев Толстой и буддизм // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. № 1. Улан-Удэ, 2007. С. 18—30.
 33. «Алтан тобчи» — монгольская летопись в подлинном тексте и переводе // Труды Вост. отд-ния Имп. Археол. о-ва. Т. 6. СПб. 1858; Сказания об Убани-хунтайджия и его войнах с ойратами: Текст и перевод // Труды Вост. отд-ния Имп. Археол. о-ва. Ч. 6. СПб., 1858; «Арджи-Бурджи», монгольская повесть: Перевод. СПб., 1858; *Сидди-Кур.* Собрание монгольских сказок // Этнографический сборник. Вып. VI. СПб., 1864 и др.
 34. ЦГИА ЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15503, с. 52.

35. З. К. Касьяненко. Монголоведение в Санкт-Петербургском университете... С. 146.
36. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Дани. СПб., 1880.
37. ЦИАЛЮ, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15610, с. 54.
38. См. о нем: Ш. Б. Чимитдоржиев, Бадмаев П. А. // Российские монголоеды... С. 75.
39. См. о нем: Д. Б. Улымжиев. Монголоведение в России... С. 76—106; Л. К. Герасимович. Позднеев А. М. // Российские монголоеды. С. 79—86. (Далее: Позднеев А. М...)
40. А. М. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1881.
41. А. М. Позднеев. Монгольская летопись «Ордэнийн эрих», подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 по 1736 годы. СПб., 1896.
42. А. М. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы, читанные в 1895/1896 гг. СПб., 1896—1908.
43. А. М. Позднеев. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1907.
44. Л. К. Герасимович. Позднеев А. М... С. 80.
45. А. М. Позднеев. Монголия и монголы. СПб., 1896.
46. А. М. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу // Зап. Русского геогр. о-ва. Отделение этнографии. Т. XVI. СПб., 1887.
47. А. М. Позднеев. Буддийский катехизис. СПб., 1898.
48. А. М. Позднеев. Калмыcko-русский словарь. СПб., 1911; А. М. Позднеев. Учебник тибетской медицины. СПб., 1908; Героическая поэма калмыков с приложением вновь отысканной и впервые издаваемой третьей главы в оригинальном калмыцком тексте. Редактировал А. Позднеев, член Совета министров народного просвещения, профессор и директор Практической Восточной академии // Императорское общество востоковедения. № 7. СПб., 1911.
49. См. о нем: Д. Б. Улымжиев. Монголоведение в России... С. 126—156. Список научных трудов В. Л. Котвича и статьи о нем см.: Архив АН СССР. Т. IV. С. 277—278; В. Цыремпилов. Котвич Вл. Л. // Российские монголоеды... С. 100—104.
50. См. о нем: Б. Цыбиков, Г.-Н. Заятуев. Цыбиков Гомбожаб // Российские монголоеды... С. 105—110.
51. См. о нем: З. К. Касьяненко. Руднев А. Д. // Российские монголоеды... С. 111—116.
52. Лекции В. Л. Котвича по грамматике монгольского языка были изданы литографским способом в СПб. в 1902 г.
53. Наиболее значительными работами В. Л. Котвича этого периода являются следующие: В. Л. Котвич. Лекции по грамматике монгольского языка, читанные Privat-доцентом Санкт-Петербургского ун-та В. Л. Котвичем. СПб., 1902; В. Л. Котвич. Монгольские надписи в Ордэни-цу // Сб. Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Т. 5, ч. 1. Пг., 1918; В. Л. Котвич. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914; В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской Академии наук. № 12 — 15, 16—18. Пг., 1919.
54. Номто-Очиров, видный калмыцкий ученый и общественный деятель, был незаслуженно забыт, его имя лишь недавно вернулось в сокровищницу духовности калмыцкого народа. См. о нем: Ученые исследователи Калмыкии (XVII—начало XX в.). Элиста, 2006. С. 164—179; Н. Очиров. Живая старина. Из литературного наследия. Элиста, 2006.
55. Ээлян Овла является основоположником одной из дополнительных школ «Джангара», заключавшейся в стро-
гом следовании канонам традиции. См. об Ээлян Овла: Н. Ц. Биткеев. Джангарчи. Элиста, 2000.
56. Джангар. СПб., 1910. Перед этим В. Л. Котвич лично встретился с Ээлян Овла, выверил транскрипцию Н. Очирова, записал от него еще одну новую песню. Материалы об этом хранятся в СПбФ АРАН, см.: ф. 761, оп. 2, ед. хр. 20.
57. Г. Ц. Нюрбеев. Из истории и публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Бюллетень общества монголоведов РАН. М., 1993. С. 59.
58. В. Л. Котвич. Калмыцкие загадки и пословицы. СПб., 1905.
59. Личные качества В. Л. Котвича проявляются в его переписке с А. Б. Бурдуковым в связи с отправкой на практику в Монголию Б. Я. Владимирцова. В своем письме он пишет: «...Я очень прошу Вас, многоуважаемый Алексей Васильевич, оказать ему дружеский прием и помочь Вашей опытностью и знанием местных условий...» (СПбО АРАН, ф. 761, оп. 2, ед. хр. 24, л. 66. Цит по: Д. Б. Улымжиев. Монголоведение в России... С. 129). О том же говорит и адресованное ему письмо студентов, написанное ими перед отъездом его во Львов: «Мы, студенты-калмыки Института живых восточных языков, оценивая Ваши долгие научные труды в деле поднятия культурного уровня среди отсталых, забытых, заброшенных нас, калмыков, от имени всего калмыцкого народа выражаем глубокую благодарность, ибо мы знаем, что никто из калмыков не будет отрицать этого. С отъездом Вас мы теряем незаменимого учителя, но надеемся, что связь между нами не будет прервана и Ваши научные труды, несомненно, помогут возрождению калмыцкого народа» (Там же. С. 65).
60. См. о нем: А. В. Бурдуков. В старой и новой Монголии. М., 1969; Е. М. Даревская. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX—начале XX веков. Иркутск, 1994.
61. См. о нем: Г.-Н. Заятуев. Цыбиков Гомбожаб // Российские монголоеды... С. 106—110.
62. Г. Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1918; Пособие для изучения монгольского языка. Владивосток, 1907; Лам-рим чэп-по / Предисл. Г. Цыбикова. Владивосток, 1910; Г. Цыбиков. Образцы монгольских деловых бумаг. Владивосток, 1915.
63. См. о нем: А. М. Решетов. Андрей Дмитриевич Руднев (1878—1958) // ALTAICA-IX. М., 2004. С. 133—164; З. К. Касьяненко. Руднев А. Д. // Российские монголоеды... С. 111—116; Д. Б. Улымжиев. Монголоведение в России... С. 160—170.
64. А. Д. Руднев. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911; А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Вып. 1. Пг., 1913—1914. Вып. 2: Тексты. СПб., 1913. Вып. 3: Перевод и примечания. СПб., 1913—1914.
65. ЦИАЛЮ, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15802, с. 29.
66. Там же, ед. хр. 15771, с. 10; ед. хр. 15794, с. 15; ед. хр. 15858, с. 7.
67. А. Д. Руднев. Мелодии монгольских племен // Зап. Императорского геогр. о-ва. Т. XXXIV: Сб. в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. С. 395—430.
68. См. о нем: А. М. Решетов. Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано // Orient. Вып. 2—3. СПб., 1998. С. 55; Он же: О переписке Ц. Ж. Жамцарано с С. Ф. Ольдебургом // Там же. С. 56—89; Он же: Библиография основных работ Ц. Ж. Жамцарано // Там же. С. 90—92; Б. Цыбиков, Г.-Н. Заятуев. Жамцарано Цыбен // Российские монголоеды... С. 133—139; Б. Цыбиков, Ш. Б. Чимитдоржиев. Цыбен Жамцарано. Улан-Удэ, 1997; Сб.: Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность: Доклады и тезисы науч. конф., посвящ. 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. Улан-Удэ, 1991. (Далее: Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность...)

69. Образцы монгольской литературы. Вып. 1. СПб., 1908; Материалы по изучению устной литературы монгольских племен // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. Археол. о-ва. Т. 17. СПб., 1907; Произведения народной словесности бурят. СПб., 1913.
70. В. М. Алексеев. Сергей Федорович Ольденбург как руководитель и организатор наших ориенталистов // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л., 1936.
71. Впоследствии дневник путешествия Б. Барадийна был опубликован. См.: Амдо-Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника-бурята по Халха-Монголии, Алашани и Северно-Восточной окраине Тибета-Амдо. Улан-Удэ, 2000.
72. Б. Барадийн. Путешествие в Лавран. 1905—1907 гг. // Известия Рус. геогр. о-ва. Т. 44, вып. IV. СПб., 1908; Б. Барадийн. Пам Миларайбы (из жизни Лаврана // Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии. Т. 34. СПб., 1908; Заметки о путешествии (1905—1907) в северо-восточную окраину Тибета // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1908; Б. Барадийн. Отрывки из бурятской народной литературы. Тексты. СПб., 1910.
73. ЦГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 15811, с. 80.
74. Там же, с. 124.
75. Там же, ед. хр. 15301, с. 39; ед. хр. 16932, с. 110; ед. хр. 15301, с. 39; ед. хр. 15779, с. 135; ед. хр. 15671, с. 41; ед. хр. 15695, с. 1; ед. хр. 15736, с. 76; ед. хр. 15694, с. 41; ед. хр. 15730, с. 41.
76. См. о нем: Н. П. Шастина. Б. Я. Владимирцов // Российские монголоведы... С. 140—144; Н. Я. Златкин, Г. И. Михайлов. Академик Борис Яковлевич Владимирцов. К 100-летию со дня рождения // Народы Азии и Африки. № 6. М., 1984; Д. Б. Улымжиев. Монголоведение в России... С. 182—211.
77. ЦГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15838, с. 42.
78. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
79. ЦГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15838, с. 7. Цит по: Н. П. Шастина. Б. Я. Владимирцов... С. 142.
80. Основные работы Б. Я. Владимирцова: Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934; Монголо-ойратский героический эпос. Пг.: М., 1923; Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Пг., 1921; Монгольская литература // Литература Востока. Вып. 2. СПб., 1920; Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л., 1926.; Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Л., 1927.
81. Н. Н. Потте. Грамматика монгольского языка. Л., 1937; Он же. Квадратная письменность. Л., 1941; Он же. Монгольский словарь Мукаддима аль-Адаб. Л., 1936.
82. А. В. Бурдуковым было издано более 18 статей в журналах «Живая старина», «Современная Монголия» и др.
83. Бурят-монгольский русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. М., 1951; Краткий русско-бурят-монгольский словарь / Сост. К. М. Черемисов. Улан-Удэ, 1941; Орфографический словарь бурятского языка. Улан-Удэ, 1962; Орфографический словарь заимствованных из русского языка слов. Улан-Удэ, 1956.
84. См. о нем: Ученые исследователи Бурятского института общественных наук СО РАН. Улан-Удэ, 1997. С. 224.
85. Бурятско-русский словарь. 44 000 слов / Сост. К. М. Черемисов. М., 1973.
86. См. о нем: Л. К. Герасимович. Козин С. А. // Российские монголоведы... С. 126—132.
87. С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань-чао-би-ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1: Введение и изучение памятника / Перевод, тексты, глоссарии. М.: Л., 1941; С. А. Козин. Гэсэриада. Сказание о милостивом Гэсэр-мерген-хане, некоренителе десяти зол в десяти странах света / Перевод, вступ. ст. и коммент. автора. Л., 1935; С. А. Козин. Джангариада. Героическая поэма калмыков / Введение и изучение памятника и перевод торгоутской версии автора. М.: Л., 1940.
88. Л. К. Герасимович. Козин С. А. С. 126.
89. Е. М. Деревская. Русский советник правительства Монголии в 1914—1916 гг. С. А. Козин // Три портрета — три судьбы. Исторические очерки. Улан-Батор, 1997.
90. Стоит вспомнить дискуссии по поводу интерпретации образов Чингис-хана, Гэсэра, Джангара, выразившейся в признании поэмы «Гэсэр» как «буржуазно-националистического» произведения. См. об этом: И. С. Брагинский. Проблемы востоковедения. М., 1974. С. 101—131; Доклады и материалы объединенной сессии Бурят-монгольского научно-исследовательского ин-та культуры и Ин-та востоковедения АН СССР «О характере бурятского эпоса «Гэсэр». Улан-Удэ, 1953; Бурят-Монгольская правда, 17. XII. 1948.
91. См. о нем: Ученые-исследователи Бурятского института общественных наук СО РАН. Улан-Удэ, 1997. С. 9—10; Б. В. Матхеев, М. П. Хомонов. Лингвист Д. А. Алексеев (К 50-летию со дня рождения) // Свет над Байкалом. № 1. Улан-Удэ, 1959; Б. В. Матхеев. Юбилей лингвиста-бурятоведа // Правда Бурятии. 1958. 24. XII.
92. Л. С. Пучковский. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Ч. I. Л., 1957.
93. Л. К. Герасимович. Литература Монгольской народной республики (1921—1964 гг.). Л., 1965; Она же. Монгольское стихосложение. Л., 1975; Она же. Литература Монгольской народной республики 1965—1985 гг. Очерки прозы. Л., 1991; Она же. Монгольская литература XIII—начала XX в. (материалы к лекциям). Элиста, 2006.
94. З. К. Касьяненко. Современный монгольский язык. Л., 1966.
95. З. К. Касьяненко. Каталог Ганджура. М., 1993.
96. Б. П. Нармаев. О преподавании тибетского языка в Петербургском-Ленинградском университете // Тезисы Всесоюзной буддологической конференции (Москва, ноябрь 1987 г.). М., 1987. С. 124—126.
97. М. П. Петрова. Монгольский язык. Ч. 1, 2. СПб., 2003.
98. К. В. Алексеев, К. С. Яхонтов. Каталог китайских, монгольских, маньчжурских рукописей и ксилографов Вильнюсского ун-та. Коллекция О. М. Ковалевского. СПб., 1992.
99. Н. П. Бьерке. Поэзия Д. Равжи. Элиста, 2006.
100. П. Л. Гроховский. Буддийская каноническая литература. Ч. 1, 2. СПб., 2002.
101. У. Сэцэмдэх. Исследование письменного монгольского эпоса о Гэсэре. СПб., 2004.